

Д. САМОЙЛОВ

ЗАЛИВ

Д.САМОЙЛОВ

ЗАЛИВ

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

Новую книгу Д. Самойлова составили в основном его произведения последних лет. Большинство из них было опубликовано в периодической печати.

Художник
Валерий ЛОКШИН

70402 — 217
С 083(02) — 81 200 — 81. 4702010200

© Издательство
«Советский писатель», 1981 г.

* * *

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острее и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

* * *

И. К.

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

* * *

Дай мне нынче выйти в полночь
В незастегнутом пальто.
Не нужна ничья мне помощь,
И не нужен мне никто.
И не важно даже — худо
Или хорошо у нас.
Просто я шататься буду,
Несмотря на поздний час.

Потому что в эту полночь,
Раскачавшую прибой,
Вдруг очнешься и припомнишь,
И узнаешь, что с тобой.

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.

Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста —

Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.

И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.

Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
— Беда, — она тихо сказала, —
Но оба мы не виноваты.

Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Невольно нас разъединили.

— Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы,—
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?

— Да, помню, как черной вдовою
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...

Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседыми,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.

Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

* * *

Обратно крути киноленту,
Механик, сошедший с ума,
К тому небывалому лету,
За коим весна и зима!

Крути от июня до мая
Обратного времени ход,
Что стало моим — отнимая,
Приход превращая в уход.

Пускай разомкнутся объятия,
Окажется шляпа в руке.
И слезы в минуту отъятия
Покатятся вверх по щеке.

Спиною подамся к перрону,
Прощанью бессмысленно рад,
Рукою махну изумленно,
И поезд потянет назад.

Уйдут станционные зданья,
Просторный откроется вид.
И смутное счастье незнанья
Тревожно черты озарит.

Крути мою ленту обратно,
Злорадствуй, механик шальной.
Зато я увижу двукратно
Все то, что случилось со мной.

Я прожил ни много ни мало
Счастливых и сумрачных лет.
Я фильм досмотрю до начала
И выйду из зала на свет...

ПАМЯТИ ЮНОШИ

Жаль юношу Илюшу Лапшина,
Его война убила.
За что ему столь рано суждена
Солдатская могила!

Остались письма юноши домой.
Их суть прекрасна.
А та, что не успела стать вдовой,
Его ждала напрасно.

Он был когда-то маменькин сынок
И перцу до войны не нюхал.
Но был мечтатель с головы до ног.
И вышел крепок духом.

И, вылетев из доброго гнезда,
Он привыкал к недолям.
И понимал, что горняя звезда
Горит над ратным полем.

А кто сказал, что с самых нежных дней
Полезней опыт слезный
И что высокий дух всего верней
Воспитывают розгой?

В профессорской квартире, где он жил,
В квартире деда,
Бывало, сизой тучей дым кружил
И за полночь текла беседа.

Мы прямо в сад сигали из окна,
Минуя двери.
Я помню откровенность Лапшина,
Признанья в общей вере.

Вокруг весна, рассветная Москва,
Восторженные прозелиты.
Зарю поддерживали деревья,
Как темные карiatиды.

Здесь за глухим забором и сейчас —
Тишайший Институтский,
А в двух шагах, торжественно светясь,
Ампир располагался русский.

Здесь улицы и парки Лапшина,
Здесь жил он, здесь учился в школе,—
Но черной тучей близилась война.
И мы расстались вскоре.

Расстались. Как ровесники мои —
Навеки расставались.
И я не ведал о судьбе Ильи,
Покуда не отвоевались.

Прощай, Илья, прощай, Москва тех лет,
Прощай, булыжник Божедомки,
Больничный сад, где на воротах лев.
Весны блаженные потемки.

Прощай и ты, рассветная звезда,
Подобная сияющему глазу.
И все прощай, что прервалось тогда,
Жестоко, может быть, но сразу!..

РЕВНОСТЬ

Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна.
Я, отвергнутый, к ней не иду на рождение.
Жить мне неволю. Испиваю до дна
Нелюбовь, одиночество и унижение.

За дворами сгорает заря на Москве.
Наблюдает пожар каланча на Сущевке.
Опускается сумрак. Как при волшебстве,
Фонарей зажигаются длинные четки.

Во Втором Самотечном пустынно. Туда
Лишь бродячие псы совершают набеги.
Но над снегом горит высоко, как звезда,
Золотое окошко, висящее в небе.

Там она. Там на тюле ее силуэт.
Там счастливый соперник ликует за чаем.
Я взбешен со всей силой пятнадцати лет.
Я в отчаянье. Но и жесток и отчаян.

Образ сладостной мести мерещится мне.
Громкой славой увенчанный, в час неурочный,
Я въезжаю в столицу на белом коне.
Предо мной переулок Второй Самотечный.

Открываются окна. Сияет луна.
Я проехал задумчив и взора не кинул.
Вслед мне в позднем раскаянье плачет она.
А соперник растерянный чай опрокинул.

Нет! Тогда я не стану врага попить,
Ибо мы не злопамятны и горделивы.
Лишь одною печалью могу покарать:
Будь счастлива, любимая! Будьте счастливы!

ЗВЕЗДА

Зима. Среди светил вселенной
Звезда, как камень драгоценный.
Я звездной карты не знаток,
Не знаю, кто она такая.
Против меня передовая
Глядит на северо-восток.

И я, солдат двадцатилетний,
Счастливым тем; что я есть я.
В болотах Волховского фронта
Расположилась наша рота;
И жизнь моя, и смерть моя.

Когда дойдет звезда до ветки,
Когда вернутся из разведки
И в маскхалатах пробегут
На лыжах в тыл, придет мне смена,
Настанет, как обыкновенно,
Блаженный сон на сто минут.

Но я еще вернусь к рассвету
На пост. Звезду увижу эту.
Она как свет в окне жилья.
Не знаю, кто она такая,
Зачем она стоит, сверкая
И на меня покой лия.

ЧАСОВОЙ

Л. К.

Нельзя не сменять часового,
Иначе заснет на посту.
Нельзя человека живого
Во всем уподобить кусту.

Горячего чаю в землянке
Напиться ему не грешно.
Пускай переменит портянки
И другу напишет письмо.

Пусть тело, что стыло и дрогло,
Задремлет — и вся недолга,
Забыв о величии долга,
Не помня себя и врага.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.
В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Потому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

А когда по естественному закону
время стало означать
схождение под склон,
я его не возненавидел,
а стал понимать.

В шестидесятые годы
я понимал шестидесятые годы.
И теперь понимаю,
что происходит
и что произойдет
из того, что происходит.

И знаю, что будет со мной,
когда придет не мое время.
И не страшусь.

* * *

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой ранней,
Когда в мир меня влекли
Птицы первых упований?

Ах! в каком волшебном трансе
Я в ту пору пребывал,
Когда на киносеансе
Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
Наши первые любви,
Безнадежны и нежны
И нелепы в каждом слове.

Посреди киноромана
И сюжету вопреки
Она ручку отнимала
Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
Зажигался в кинозале.
А потом куда-то в снег
Мы друг друга провожали.

Видел я румянец под
Локоном из теплой меди —
Наливающийся плод
С древа будущих трагедий...

ДНЕВНИК

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодую,
И в ус себе не дую.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

РЕАНИМАЦИЯ

Я слышал так: когда в бессильном теле
Порвутся стропы и отпустят дух,
Он будет плавать около постели
И воплотится в зрение и слух.

(А врач бессильно разведет руками.
И даже слова не проговорит.
И глянет близорукими очками
Туда, в окно, где желтый свет горит.)

И нашу плоть увидит наше зреньё,
И чуткий слух услышит голоса.
Но все, что есть в больничном отделенье,
Нас будет мучить только полчаса.

Страшней всего свое существованье
Увидеть в освещенье неземном.
И это будет первое познание,
Где времени не молкнет метроном.

Но вдруг начнет гудеть легко и ровно,
Уже не в нас, а где-то по себе,
И нашу душу засосет, подобно
Аэродинамической трубе.

И там, вдали, у гробового входа,
Какой-то вещий свет на нас лия,
Забрезжат вдруг всезнанье, и свобода,
И вечность, и полет небытия.

Но молодой реаниматор Саня
Решит бороться с бездной и судьбой
И примется, над мертвецом шаманя,
Приманивать обратно дух живой.

Из капельниц он в нас вольтет мирское,
Введет нам в жилы животворный яд.
Зачем из сфер всезнанья и покоя
Мы все же возвращаемся назад?

Какой-то ужас есть в познание света,
В существованье без мирских забот.
Какой-то страх в познании завета.
И этот ужас к жизни призовет.

...Но если не захочет возвратиться
Душа, усилье медиков — ничто.
Она куда-то улетит, как птица,
На дальнее, на новое гнездо.

И молодой реаниматор Саня
Устало скажет: «Не произошло!»
И глянет в окна, где под небесами
Заря горит свободно и светло.

* * *

Усложняюсь, усложняюсь —
Усложняется душа,
Не заботясь о прошедшем,
В будущее не спеша.

Умножаются значенья,
Расположенные в ней.
Слово проще, дело проще,
Смысл творенья все сложнее.

* * *

Может, за год два-три раза
Вдруг проймет тебя насквозь
Разразившаяся фраза,
Лезущая вкривь и вкось.

Но зато в ней мысль и слово
Диким образом сошлись.
И с основою основа
Без желанья обнялись.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ю. Л.

Все, братец, мельтешим, все ищем в «Литгазете» —
Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы!
Но исподволь уже отцами стали дети
И юный внук стихи строчит из-под полы.

Их надобно признать. И надо потесниться.
Пора умерить пыл и прикусить язык.
Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик!

Забудь, что знаешь, все! Иному поколенью
Дано себя познать и тратить свой запал,
А мы уже прошли сквозь белое каленье,
Теперь пора остыть и обрести закал.

Довольно нам ходить отсюда и досюда!
А сбиться! А прервать на полуслове речь!
Лениться. Но зато пусть хватит нам досуга,
Чтоб сильных пожалеть и слабых уберечь.

Теперь пора узнать о тучах и озерах,
О рощах, где полно тяжеловесных крон,
А также о душе, что чует вещей шорох,
И ветер для нее — дыхание времен.

Теперь пора узнать про облака и тучи,
Про их могучий лет неведомо куда,

Знать, что не спит душа, ночного зверя чутче,
В заботах своего бессонного труда.

А что есть труд души, мой милый стихотворец?
Не легковесный пар и не бесплотный дым.
Я бы сравнил его с работою затворниц,
Которым суждено не покидать твердынь.

Зато, когда в садах слетает лист кленовый,
Чей светлый силуэт похож на древний храм,
В тумане различим волненье жизни новой,
Движенье кораблей, перемещенье хмар.

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
Без страха пустоту увидим над собой,
Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибой.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Идиллия

Благодарю моих учителей
За то, что я не многим им обязан...

Не верь ученикам,
Они испортят дело...

Приходите, юные таланты!..

Из стихов разных лет

Холмистая местность. Утро.
Последняя грань лета.

Учитель
Видимо, тебе не впрок
Моя наука.

Ученик
Пожалуй.
Пусть я тебя люблю, но, видит бог,
Твоя наука сильно устарела.
И твой урок мне больше — не урок.
Все ваши аксиомы для меня —
Лишь недоказанные постулаты.
И не просты они, а простоваты.
И потому я новые извлек.

Учитель
А какие?

Ученик

Ты помнишь, что когда-то нас учил
Глядеть вперед?

Учитель

Но тогда
Я шел не здесь... И что же?

Ученик

А мы решились поглядеть назад!..

Учитель

Я гляжу по сторонам...
Гляди, как расположен синий воздух
Среди холмов. И золотой подковой
Над ними выгнута заря. На склонах
Отдельные деревья сжали листья
В зеленый шар, стоящий на стволе,
И не дают в нутро их свету влиться,
И длинно тень ложится на земле.
А шерстка трав недавнего покоса
Как гривка жеребенка. А спина
Холма, хребет кабаньих выгнув косо,
Словно дремучий волос, зелена.
Там лось над головою держит пару
Окаменевших допотопных крыл,
А дальше — высоко по крутояру —
Однообразных елок темный клир.
Большие валуны, как черепахи,
Круглят щиты на бывшем поле брани.
А надо всем — крутые облака
Осуществляют хлебниковский сон
О подвижных стеклянных городах.
Вот что я вижу...

Ученик
А ты
Уклончив стал.

Учитель
Нет. Я вижу
Нутро картин, а не поверхность мнений.
Природа мысли такова, мой друг,
Что доведи любую до конца —
И вдруг паленым волосом запахнет...
Да...

Ученик
Так растолкуй картину.

Учитель
Тридцать лет тому назад,
А может, больше, здесь шел бой. И я
Лежал вон там... скорей немного ближе.
Теперь и не узнать. Я умирал.
Я был почти убит. И вот я жив.
Ты понял?

Ученик
Сказать по правде,
Порой изрядно нам надоедают
Все ваши ветхие воспоминанья.
Чем хвалишься?

Учитель
Добротой.
Ведь, если мне ученика не жалко,
Какой же я учитель!

Ученик
О, все в жалеюку дуешь ты!

Учитель

А смысл легенды, может, только в том,
Что прежде, чем успел пропеть петух...
Сам знаешь...

Ученик (*махнув рукой*)

Ассоциации, культурный слой...
А я желаю быть самим собой!

Учитель

Опыт ты добудешь сам.
Но ежели, вперед спиною пятьсясь,
Упрешься в стену, вспомни обо мне...
Кто знал войну, тот знает цену крови
И знает цену листьям в каждой кроне.
А листья — мы с тобою.

Ученик

Я не ценю красивых аллегорий.
Но если так, важны не листья — корни.
И дело в корне, если хочешь знать.

Учитель

Скоро листья полетят,
Красны, как кровь, желты, как сукровица,
И оголятся скоро лес и сад,
И птице негде будет приютиться,
Перевернется новая страница,
А корни до земли заснут в земле...
Закружатся ладони и сердца,
Зубцы и профили листвы дубовой.
Осенний край с улыбкой мертвеца
Затихнет в ожиданье жизни новой...

Всем суждено выстрадывать судьбу.
А быть счастливым — нет такого права.
И все-таки осенняя дубрава
Ждет счастья.

Ученик
И ты?

Учитель
И я!..
Но, впрочем, осень лишь в начале.
Люблю ее пришествие, когда
Все движется, все не стоит на месте.
Деревья — как восставшее предместье —
Готовы ринуться на города.
В такую пору зренью предстает
Разительная ясность очертаний.
И ощущаешь приближение к тайне
Того, что есть движение и полет...
Но не спешите, голову сломя,
Кидаться вслед за птичьим перелетом.
Останьтесь здесь.

И выберите холм.

И...

Ученик
Не зритель я.

Учитель

Я так и знал. В бессмысленном стремление
Вы видите величие души,
А я — лишь невоспитанность ума.
Послушай!

Ученик

Оставь меня!

Мы слишком далеко зашли, учитель,
Пора вернуться. Трапеза готова.

Учитель

Поброжу-ка я один.

А ты ступай.

(Уходит по дороге.)

БЕССОННИЦА

Я разлюбил себя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Клянусь и плоть свою людскую,
И душу брENNую свою.

Когда-то погружался в сон
Я, словно в воду, бед не чая.
Теперь рассветный час встречаю,
Бессонницею обнесен.

Она стоит вокруг, стоглаза,
И сыплет в очи горсть песка.
От смутного ее рассказа
На сердце смертная тоска.

И я не сплю — не от боязни,
Что утром не открою глаз.
Лишь чувством острой неприязни
К себе — встречаю ранний час.

* * *

Деревья должны
Дорасти до особой высоты,
Чтобы стать лесом.
Мысли должны дорасти
До особой высоты,
Чтобы стать Словом.
Больше ничего не надо,
Даже ухищрений стиха.

СТАНСЫ

Начнем с подражания. И это
Неплохо, когда образец —
Судьба коренного поэта,
Приявшего славный венец.

Терновый, а может, лавровый —
Не в этом, пожалуй что, суть.
Пойдем за старухой суровой,
Открывшей торжественный путь.

И, сами почти уже старцы,
За нею на путь становясь.
Напишем суровые стансы
Совсем безо всяких прикрас.

В тех стансах, где каждое слово
Для нас замесила она,
Не надо хорошего слога
И рифма пусть будет бедна.

Зато не с налету, не сдуру,
Не с маху, и не на фуфу,
А трижды сквозь душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

Великая дань подражанию!
Нужна путеводная нить!
Но можно ли горла дрожанье
И силу ума сочинить?

И как по чужому каркасу
Свое устроенье обжать?
И можно ли смертному часу
И вечной любви подражать?

Начнем с подражания. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от бога дано.

ХЛЕБ

Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья,
Ибо с тревогой на поле свое взираю.
Сам свой хлеб я сею.
Сам убираю.

Вы меня хлебом пшеничным, я вас зерном слова —
Мы друг друга кормим.
Есть и у слова своя полова.
Но и оно растет корнем.

Без вашего хлеба я отощаю.
Ну а вы-то —
Разве будете сыты хлебом да щами
Без моего звонкого жита?

Из одного перегнаю растут
 колос пшеничный и колос словесный.
Знаю, что ждуют хлебные печи.
В русское небо с заботой гляжу я, пахарь безвестный,
Жду, что прольются благие дожди в пахоту речи.

* * *

Тебе свою судьбу вручил навек,
И как бы ни была судьба печальна,
Меня не отлучит любой навет
И то, что изначально и случайно.

Суть назначенья моего проста,
И к этому мне нечего добавить:
Во имя зла не разжимать уста
И лишь тебя благословлять и славить.

* * *

Игра в слова — опасная забава.
Иное слово злобно и лукаво,
Готово огонь разжечь и двинуть рать...
О, старости единственное право —
Спокойным словом страсти умерять.

* * *

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».
Я нас возвысить не хочу.
Мы — послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

АФАНАСИИ ФЕТ

Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга
Так рваться мог в российские дворяне
И так толково округлять поместья.
Его прозвание Афанасий Фет.

Об этом, впрочем, нам не надо знать —
Как втерся он в наследственную знать.
Не надо знать! И в этом счастье Фета:
В его судьбе навек отделена
Божественная музыка поэта
От камергерских знаков Шеншина.

Он не хотел быть жертвою прогресса
И стать рабом восставшего раба.
И потому ему свирели леса
Милее, чем гражданская труба.
Он этим редок, Афанасий Фет.

Другие, получив свои награды,
Уже совсем не слышали природы
И, майской ночи позабыв отрады,
Писали твердокаменные оды.
А он, с почтеньем спрятав в гардеробе
Придворные доспехи Шеншина,
Вдруг слышал, как в пленительной природе
Ночь трелью соловья оглашена.

Открыв окно величию вселенной,
Он забывал про действительность глаголов.
Да, человек он необыкновенный.
И что за ночь! Как месяц в небе молод!

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Он заплатил за нелюбовь Натальи.
Все остальное — мелкие детали:
Интриги, письма — весь дворцовый сор.
Здесь не ответ великосветской черни,
А истинное к жизни отвращенье,
И страсть, и ярость, и души разор.

А чья вина? Считайте наши вины
Те, кто умеют сосчитать свои,
Когда уже у самой домовины
Сошлись концы любви и нелюбви.

И должен ли при сем беречься гений?
О страхе должен думать тот, другой,
Когда перед глазами поколений
В запал курок спускает нетугой.

II

Что остается? Поздний Тютчев?
Казалось, жизнь ложится в масть.
Уже спокоен и невлюбчив.
И вдруг опять — стихи и страсть.

Что остается? Поздний тоже,
Но, господа благодаря,
Вдруг упадающий на ложе
В шум платья, листьев, октября.

Что остается? Пушкин поздний?
Какой там — поздний! Не вчера ль —
Метель, селитры запах грозный,
И страсть, и гибель, и февраль...

МАСТЕР

А что такое мастер?
Тот, кто от всех отличен
Своею сивой мастью,
Походкой и обличьем.

К тому ж он знает точно,
Что прочно, что непрочно,
И все ему подвластно —
Огонь, металл и почва.

Суббота, воскресенье —
Другим лафа и отдых,
Копаются с весельем
В садах и огородах.

А он калечит лапы
И травит горло ядом
С миниатюрным адом
Своей паяльной лампы.

Когда заря над морем
Зажжется, словно танкер,
Он с мастером таким же
Готов бы выпить шкалик.

Но мастеров немного
Ему под стать придется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.

Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И своему издelyю
Желают вечной славы,

А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

ПОГОСТ

Здесь, возле леса, с краю поля
Погост сияет небольшой,
Где на рассвете, птицам вторя,
Душа беседует с душой.

И эти тихие беседы
Легки, как утренний туман,
В них веют радости и беды
Когда-то живших поселян.

Беседуют односельчане —
Родня, соседи, свояки —
Под вековое величанье
Дубравы, поля и реки.

И ни ограды, ни гранита —
Одни воздушные струи
Вдруг всплакивают сквозь ракету
Протяжливо, как плачеи.

Я знаю кладбища другие
Вблизи огромных городов,
Где все погибели людские
Положены во сто рядов.

И кажется там громче горе
И комья глины тяжелей,
Чем здесь, в заброшенном просторе,
У края леса и полей,

Где разбегаются подросты,
В себя вбирая сок и свет...
Растут огромные погосты,
А к малым зарастает след.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Памяти М. Петровых

I

Спи, Мария, спи.
Воздух над тобой
До высот небесных
Полон тишиной.

Дерево в ночи —
Изваянье дыма.
Спи, Мария, спи.
Пробужденья нет.

А когда потом
Мы с тобой очнемся,
Разбегутся листья
По тугой воде.

II

Во сне мне слышался голос,
Так тихо, что я не проснулся,
И сон мой к последнему вздоху
Как будто в тот миг прикоснулся.

К последнему вздоху Марии,
Который настолько был легким,
Что словно уже относился
К бессмертью души, а не к легким.

На миг, что почти неприметен,
Сошлись непохожие двое —
С ее сновиденьем бессмертным
Мое сновиденье живое.

III

И вот уже больше недели,
Как кончилась вся маета,
Как очи ее не глядели
И не говорили уста.

Казалось, что все это рядом,
Но это уже за чертой,
Лишь память не тронута хладом
И не обнята немотой.

И можно ли страхам и ранам
Позволить себя одолеть?
Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.

ПРОЩАНИЕ

Из поэмы «Последние каникулы»

Я своего стиха
Оставил стиль спартанский.
— Ха-ха, ха-ха, ха-ха! —
Сказал бы Л. Итанский,
Который был готов
Пойти со мной и с Витом,
Но был заеден бытом
И значит — не готов.

Готов кроме него
Был некий Пересветов,
Но множество советов
Замучили его.

Кого б еще сманить?
Петра или Бориса?
Володю, может быть?
Но с ним мы разошлись.

Так в мой понурый бег
Я взял кота и Ствоша.
Как хорошо, что все же
Не близок Нюрнберг!

Один Леон Тоом,
Пошел бы ты со мною
Дорогою дневною
Или ночным путем.

Ты, сокрушитель стен,
Ниспровергатель окон,
Прозревший острым оком
Убожество систем!

Как шли бы мы с тобой,
То веселы, то пьяны!
И нам наперебой
Гремели б барабаны!
Всем девушкам с тобой
Дарили бы мы конфеты.
Играли б нам гобой,
И флейты, и кларнеты!
И чьи-нибудь невесты
Порой сбегали б к нам.
Играли б нам челесты,
И бубны, и тимпан,
Взлетал бы фейерверк,
Стреляли бы мортиры!

Так шли б мы в Нюрнберг,
Веселые сатиры!..

Прощай, мой добрый друг!
Прощай, беспечный гений!
Из всех твоих умений
Остался дар разлук.

Прощай, мой милый друг!
Прощай, свободный гений!
Отвергший из наук
Науку возвращений!

Прощай, мой вечный друг!
Прощай, мой слабый гений!
Как суть твоих учений
Осуществилась вдруг!

Прощай! Ты был во всем
Иной, не нашей мерки...

Быть может, в Нюренберге
Мы встретимся потом.

* * *

С. Н.

Скрепляют болезни и смерти
Отчетливость памятных лет
И сумрачных десятилетий
Понурый и грубый цемент.

Когда эта птица мне пела,
Сквозь пенье ее угадал
В основе грядущего дела
Простой и смертельный металл.

И все же — не твердость, не холод —
Моя кряжевая судьба.
Спасибо за то, что не молод
Я был, когда понял себя.

РИХТЕР

Крыло рояля. Руки Рихтера,
Изысканные, быстрые и сильные,
Как скаковые лошади. Точнее
Сравненья не умею подыскать.
Он заставляет музыку смотреть,
Угадывать ее предвестье
В лице, фигуре, в мимике и жесте.
Не видя Рихтера, теряешь что-то
От вдохновения и мастерства,
Как в письмах
Утрачиваешь что-то от общенья.
Транзисторщики и магнитофонцы,
Мы музыку таскать с собой привыкли
И приспособливать ее к жилью.
А Рихтер музыку возводит в зал
И возвращает музыку в музы́ку.
Прислушаемся к Рихтерову лику,
К рукам задумчивого ездока,
Вожатому коней, изваянных из звука...
Так, колесницы умедляя ход
На спуске с небосклона,
Сам Гелиос внимает, как поет,
Крыло откинув,
Черный лебедь Аполлона.

АКТРИСЕ

Л. Т.

Тебе всегда играть всерьез.
Пусть поневоле
Подбрасывает жизнь вразброс
Любые роли.

Хоть полстранички, хоть без слов,
Хоть в пантомиме —
Играть до сердца, до основ,
Играть во имя.

Без занавеса, и кулис,
И без суфлера,
Чтоб только слезы пролились
На грудь партнера,

Чтоб лишь леса поры потерь,
Поры печали,
Рыжеволосы, как партер,
Рукоплексали.

Играть везде — играть в толпе,
Играть в массовке,
Но для себя и по себе,
Без подтасовки.

И, наконец, сыграть всерьез
В той мелодраме,
Где задыхаются от слез
Уже над нами.

* * *

Я сделал вновь поэзию игрой
В своем кругу. Веселой и серьезной
Игрой — вязальной спицею, иглой
Или на окнах росписью морозной.

Не мало ль этого для ремесла,
Внушенного поэту высшей силой,
Рожденного для сокрушенья зла
Или томленья в этой жизни милой.

Да! Должное с почтеньем отдаю
Суровой музе гордости и мщенья
И даже сам порою устаю
От всесогласья и от всепрощенья.

Но все равно пленительно мила
Игра, забава в этом мире грозном —
И спица-луч, и молния-игла,
И роспись на стекле морозном.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Свободный стих —
для лентяев,
для самоучек,
для мистификаторов
(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера
он являет
естественную силу речи,
то есть мысли.

Организованный стих
организован для всех —
для посредственности и таланта,
он подстегивает вдохновение
и подсказывает метафору.

Надо быть слишком уверенным
в собственной ценности,
чтобы посметь изъясняться
свободным стихом.
Отыдите, нерадивые!

ЧЕРНОВИКИ

Два года я писал в одну тетрадь.
Всю исчеркал. И стал ее листать.
И разбирать с трудом. А толку мало.
Какие-то наброски и начала,
Зачеркнутые густо три строки.
Все недописано. Черновики.

Души моей небрежной черновик!
Невыполненных замыслов наброски,
Незавершенных чувств моих язык,
Угаснувших волнений отголоски!
Зачатки мыслей!

Слово — и пробел.

А тут-то надо было мучить перья!
Но нет, не мог! Не сделал. Оробел...
Зачеркнуто... А вот белей, чем мел,
Свободная страница. Полстраницы.
Неточность. Рядом — беглые зарницы —
Гроза без грома —

вечный мой удел...

ВТОРАЯ ЛЕГКАЯ САТИРА

Мой недоброжелатель! Как ни ползай,
Как ни соизмеряй с своею пользой
Стихи, что я свободно говорю,—
Презрительно тебя благодарю.

Хотя б за то, что твой прискорбный вкус
Расходится с моим пристойным вкусом.
И наш с тобой немислимый союз
Полезен все ж российским музам.

Ты — лакмус мой. Ты у меня в цене.
Когда, к моим приносиваясь одам,
Подавишься ты толстым бутербродом,
Тебя я первый стукну по спине.

В ДУХЕ ГАЛЧИНСКОГО

Бедная критикесса
Сидела в цыганской шали.
А бедные стихотворцы
От страха едва дышали.

Ее аргументы были,
Как сабля, неоспоримы,
И клочья стихотворений
Летели, как пух из перины.

От ядовитых лимонов
Чай становился бледным.
Вкус остывшего чая
Был терпковато-медным.

Допили. Попрошались.
Выползли на площадку.
Шарили по карманам.
Насобирали десятку.

Вышли. Много мороза,
Города, снега, света.
В небе луна катилась
Медленно, как карета.

Ах, как было прекрасно
В зимней синей столице!
Всюду светились окна,
Теплые, как рукавицы.

Это было похоже
На новогодний праздник.
И прорняло поэтов
Нехороших, но разных.

— Да, конечно, мы пишем
Не по высшему классу
И критикессе приносим
Разочарований массу.

— Но мы же не виноваты,
Что мало у нас талантов.
Мы гегелей не читали,
Не изучали кантов.

В общем, купили водки,
Выпили понемногу.
Потолковали. И вместе
Пришли к такому итогу:

— Будем любить друг друга,
Хотя не имеем веса.—
Бедная критикесса,
Бедная критикесса.

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Пора за поэму садиться,
Закрыться, писать. А не то
Герой ее в дверь постучится
И скинет в передней пальто.
А тут уж пишите пропало —
Начнет городить что попало
И тень на плетень наводит.
И трудно его проводить.

Таких сочинителей баек,
Наверно, не видывал свет.
Ему бы хороший прозаик,
Отыскивающий сюжет!
Актер погорелого театра,
Не знает он, где будет завтра,
Но помнит, что было вчера.
От самой ничтожной затравки
Трепаться готов до утра.
Из тех очевидцев бывалых,
Свидетелей тех матерых,
В чьих летописях и анналах
Фантазии на пятерых...

Но он не пришел, слава богу!
В дорогу, поэма, в дорогу!
Пусть шарик по легкой бумаге
Скользит, как танцорша на льду,
И строчек лихие зигзаги
Выписывает на лету.

* * *

Зачем за жалкие слова .
Я отдал все без колебаний —
И золотые острова,
И вольность молодости ранней!

А лучше — взял бы я на плечи
Иную ношу наших дней:
Я, может быть, любил бы крепче,
Страдал бы слаще и сильнее.

ЗАЛИВ

Я сделал свой выбор. Я выбрал залив,
Тревоги и беды от нас отдалив,
А воды и небо приблизив.
Я сделал свой выбор и вызов.

Туманного марта намечен конец,
И голос попробовал первый скворец.
И дальше я вижу и слышу,
Как мальчик, залезший на крышу.

И куплено все дорогою ценой.
Но, кажется, что-то утрачено мной.
Утратами и обретеньем
Кончается зимняя темень.

А ты, мой дружок, мой весенний рожок —
Ты мной не напрасно ли душу ожег? —
И может быть, зря я неволю
Тебя утолить мою долю?

А ты, мой сверчок, говорящий жучок,
Пора бы и мне от тебя наутек.
Но я тебе душу вручаю.
И лучшего в мире не чаю.

Я сделал свой выбор. И стал я тяжел.
И здесь я залег, словно каменный мол.
И слушаю голос залива
В предчувствии дивного дива.

ПРИМОРСКИЙ СОЛОВЕЙ

За парком море бледною водой
На гладкий пляж беззвучно набегают.
И вечер обок с набожной звездой
Удобно облака располагает.

Напротив запада в домах — латунь,
А иногда мерцанье белой ртути.
Везде стригут, как рекрута, июнь.
Цветут сирени грозовые тучи.

И эпигоны соловья — дрозды
Стараются, лютуют в три колена.
А сам он ждет, когда замрут сады
И для него освободится сцена.

Пускай уйдут! Тогда раздастся взрыв
Кристаллов в пересыщенном растворе.
И страсть, и клокотанье, и разлив,
И в воздухе явленье сжатой воли.

Откуда это в жалком существе,
В убогой горстке встрепанного пуха,
Укрытого в спасительной листве,—
Подобное осуществленья духа?

И вот теперь — бери его врасплох,
Когда, забывшись на вершине пенья,
Оледенел, закрыл глаза, оглох
И не годится для самоспасенья.

Нет благозвучья, нету красоты
В том щелканье, в тугих засосах свиста,
Но откровенья тайные пласты
И глубина великого артиста.

Не верю, что природа так проста,
Чтоб только данью вечной несвободы
Был этот полунощный взрыв куста
И перепады бессловесной оды.

И почему вдруг сердце защежит!
И свист пространства коротковолновый
Не зря нас будоражит и томит,
Как в семь колен мечта о жизни новой.

ЭСТИМАА

Здесь к городам веселой трезвой Ганзы
Приближен был высокий город Псков,
А племена, неведомы и разны,
Таились где-то в глубине лесов.

И там они хранили темный норов
Среди болотниц, лешаков и ведьм —
Неведомо когда степных угоров
Д моря дотянувшаяся ветвь.

А сколько их — неведомо. И даты
Темны. Повсюду тьма, и тишь, и тьма.
Датчане, шведы, немцы, руссы, латы
Сбивали их, как масло, в Эстимаа.

Они в глуши хранили свой обычай
И свой язык, как драгоценный клад,
В котором длинных гласных щебет птичий,
Согласных — твердость камня и раскат.

Когда же сосчитали их, то горстка
Их оказалась. Но не от числа
В них проявлялось чертово упорство
Без различения добра и зла.

Пусть их теплом не баловало солнце,
Пусть ветер дул из-за прибрежных дюн.
Но сотворили родину эстонцы
Круглее и прочнее, чем валун.

* * *

Я люблю ощущение ушедших годов
И забытых ладоней тепло.
Я снимаю со времени тайный покров,
Убеждаясь: оно утекло.

Но зачем этот сад накануне зимы,
Этот город туманный зачем
И зачем же тогда в этом городе мы,
Сочинители странных поэм?

А великое слово «зачем» — как пароль,
Произнесенный в долгих ночах.
И безумствую я, как влюбленный король,
По бессоннице и при свечах.

* * *

И снова все светло и бренно —
Вода, и небо, и песок,
И хрупкая морская пена,
И отплывающий челнок.

Уж не волнуют опасенья.
Отпущен конь, опущен меч.
И на любовь и на спасенье
Я не решусь себя обречь.

Высокой волей обуянный,
Пройду таинственной межой
И постучусь, пришелец страннѣй,
К себе домой, как в дом чужой.

* * *

О бедная моя!
Ты умерла. А я
Играю под сурдину
На скрипке бытия.

И так же непреложно
Ведет меня стезя
Туда, где жить не можно
И умереть нельзя.

* * *

Я смерть свою забуду
Всего лишь оттого,
Что состояться чуду
Не стоит ничего.
Вот что-то в этом роде:
Муаровый скворец,
Поющий на природе
Гармонию сердец.
О малое созданье!
Зато он превзошел
Величье подражанья
И слабость новых школ.
Пускай поет похоже
На каждого скворца,
Ведь все созданье божье
Похоже на творца.

* * *

Надо идти все дальше,
Дальше по той дороге,
Что для нас начертали
Гении и пророки.

Надо стоять все тверже,
Надо любить все крепче,
Надо хранить все строже
Золото русской речи.

Надо смотреть все зорче,
Надо внимать все чутче,
Надо блюсти осторожней
Слабые наши души.

МОРОЗ

Лихие, жесткие морозы,
Весь воздух звонок, словно лед.
Читатель ждет уж рифмы «розы»,
Но, кажется, напрасно ждет. '

Напрасно ждать и дожидаться,
Притерпливаться, ожидать
Того, что звуки повторятся
И отзовутся в нас опять.

Повторов нет! Неповторимы
Ни мы, ни ты, ни я, ни он
Неповторимы эти зимы
И этот легкий ковкий звон,

И нимб зари округ березы,
Как вокруг апостольской главы...
Читатель ждет уж рифмы «розы»?
Ну что ж, лови ее, лови!..

ЗАВСЕГДАТАЙ

Из всех печей, из всех каминов
Восходит лес курчавых дымов.
А я шагаю, плащ накинув
И шляпу до бровей надвинув.

Спешу в спасительный подвальчик,
Где быстро и неторопливо
Рыжеволосый подавальщик
Приносит пару кружек пива.

Вторая кружка для студента,
Косого дьявола из Тарту,
Который дважды выпил где-то
И починает третью кварту.

Он в сером свитре грубой вязки,
По виду — хват и забияка,
Он пьет и как-то залихватски
Разламывает шейку рака.

Он здешний завсегдатай. Дятел,
Долбящий ресторанный столик.
Он мексистофель и приятель
Буфетчицы и судомоек.

Поклонник Фолкнера и йоги,
Буддизма и Антониони,
Он успокоится в итоге
На ординарном эталоне.

Он не опасен. Пусть он шпарит
Двусмысленные парадоксы
И пусть себе воображает,
Что он силен в стихах и в боксе.

Мне нравится его веселость,
Как он беспечен и нахален,
И даже то, как тычет в соус
Огрызок сигареты «Таллин».

А в круглом блюде груда раков,
Пузырчатый янтарь бокала,
И туч и дымов странный ракурс
В крутом окне полуподвала.

САНДРИЛЬОНА

Сандрильона ждет карету.
Чинно курит сигарету.
Ждет, чтоб прибыл сандрильонец
Из компании гуляк —
С туфелькой, на «Жигулях».

Стынет кофе. Отрешенно
Ожидает Сандрильона
Из миллиона сандрильон.
В ней не счастье, не страданье,
Все — сплошное ожиданье.
Наконец приходит он.

И, с задумчивым соседом
Не простившись, выйдет следом
За плечистым сандрильонцем
Из сапожной мастерской.
Парк осенний залит солнцем.
Осень. Небо. И покой.

И уедет Сандрильона,
С ней — волос ее корона,
Вместе с гордым модельером
На машине «Жигули»...
Высоко над морем серым
Чайки, тучи, корабли.

МОЖНО И ТАК...

Можно и так. На заре
Выйти — и за садоводство,
В час, когда в алой заре
Пышное солнце печется.

Чувствовать лапой босой
Холод и влажность тропинки.
Птиц услышать, над тобой
Пинькающих без запинки.

Можно и так. Не спеша
Ждать, чтоб глаза разлепились,
Чтобы проснулась душа,
Чтобы слова укрепились.

Как поступить? На заре,
Может быть, даже и лучше
Пальцем писать на золе
Или на утренней туче.

* * *

Мое единственное достояние —
Русская речь.
Нет ничего дороже,
Чем фраза,
Так облегающая мысль,
Как будто это
Одно и то же.

* * *

Сперва сирень, потом жасмин,
Потом — благоуханье лип,
И, перемешиваясь с ним,
Наваливается залив.

Здесь масса воздуха висит
Вверху, как легкое стекло.
Но если дождь заморосит,
Земля задышит тяжело.

Залив господствует везде,
Навязывая свой накат.
Деревья держит он в узде,
Захватывает весь закат.

Он на могучем сквозняке
Лежит пологим витражом.
И отражает все в себе,
И сам повсюду отражен.

* * *

Тебя мне память возвратила
Такой, какую ты была,
Когда: «Не любит!» — говорила
И слезы горькие лила.

О, как мне нужно возвращенье
Из тех невозвратимых лет,
Где и отмщенье и прощенье,
Страстей непроходящий след.

И лишь сегодня на колени
Паду. Ведь цену знаю сам
Своей любви, своей измене.
Твоей любви, твоим слезам.

* * *

Пахло соломой в сарае,
Тело — травой и ветром,
Губы — лесной земляникой,
Волосы — яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие свежие грозы.
Мы просыпались. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убежала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

ВОСПОМИНАНИЯ

Как тяжесть спелых яблок клонит ветку
Или ломает, если нет опоры,
Так до земли сгибают
И ломают нас
Созревшие воспоминанья.

Блажен лишь тот, кто памяти лишен.
Зато какая устремленность в небо
У необремененного побега,
Когда мы близ травы вкушаем сон!

* * *

Эта плоская равнина,
Лес, раздетый догола,
Только облачная мнимо
Возвышается гора.

Гладко море, берег гладок,
Гладки травы на лугах.
И какой-то беспорядок
Только в горних облаках.

* * *

Чайка летит над своим отраженьем
В гладкой воде.
Тихо, как перед сраженьем.
 Быть беде.

* * *

У меня пред тобою вина.
И ее не смывает волна.
Не смывает прошедшего горя
Благодать полунощного моря.
У меня пред тобою вина,
Что осталась на все времена,
Времена, что белей и короче,
Чем короткие белые ночи.

* * *

Тот же вялый балтийский рассвет.
Тяжело размыкание век.
Тяжело замерзание рек.
Наконец, наконец выпал снег.
Я по снегу уже доберусь
Из приморского края на Русь,
Где морозы звончей и синей.
И опять, может быть, научусь
Не бояться свободы своей.

* * *

Свежо кричат вороны
Во славу тишины.
Подстриженные кроны
Еще обнажены.

В засохших травах дудки
Утиной перелив.
И, видно, через сутки
Очистится залив.

Но надо, чтобы ветер
Дул с севера на юг
И холодом бессмертья
Повеяло у губ...

Серебряные чайки
Промчались — вот их нет.
И лучшего не чайте,
Ведь, может быть, вослед

Весне простой и легкой
События не столь
Простые, с подоплекой
Совсем уж не простой...

КАРТИНА С ПАРУСАМИ

Яхт шелко́вые ветрила...
Легкокрылые ладьи
Расположены, как лира,
На поверхности воды.

Там, подсвеченная снизу,
Воздух утренний прожгла
Моря выпуклая линза
Серебристого стекла.

В полотне своем высотном
Воздух выпуклый неся,
Друг за другом к горизонтам
Уплывают паруса.

Горделиво и степенно,
Белые на голубом,
Исчезают постепенно
За водой, как за бугром.

* * *

Какой-то ветер нынче дул,
Однообразный, безутешный,
И моря равномерный гул
Мешался с ним во тьме кромешной.

Так без начала и конца,
В однообразии усталом,
Как колыбельная вдовца
Над сиротою годовалым.

* * *

Что за радость! Звуки шторма
Возле самого окна.
Ночь безумна и просторна,
Непонятна и черна.

Море — тыща колоколен,
Ветер — пуще топора
И готов валить под корень
Вековые тополя.

Что за радость! Непогоды!
Жизнь на грани дня и тьмы,
Где-то около природы,
Где-то около судьбы.

* * *

Забудь меня и дни,
Когда мы были вместе.
На сердце не храни
Ни жалости, ни мести.

Но вспомни об одном —
Как в это время года
Ходила ходуном
Ночная непогода.

И гром дерева тряс,
Как медная десница...
Ведь это все для нас
Когда-то повторится.

ПЯРНУСКИЕ ЭЛЕГИИ

Г. М.

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

II

Красота пустынной роши
И ноябрьский слабый свет —
Ничего на свете проще
И мучительнее нет.

Так недвижны, углубленны
Среди этой немоты
Сосен грубые колонны,
Вязов нежные персты.

Но под ветром встрепенется
Нетекучая вода...
Скоро время распадется
На «сейчас» и «никогда».

III

Круг любви распался вдруг.
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина,
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

IV

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полущалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом —
Душа — несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

V

Здесь великие сны не снятся,
А в ночном сознание теснятся
Лица полузабытых людей —
Прежних ненавистей и любвей.
Но томителен сон про обманы,
Он болит, как старые раны,
От него проснуться нельзя.
А проснешься — еще больнее,
Словно слышал зов Лорелен
И навек распалась стезя.

VI

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя —
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.

VII

Когда замрут на зиму.
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.

Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.

И очень долго снится —
Не годы, а века —
Морозная ресница
И юная щека.

VIII

Как эти дали хороши!
Залива снежная излука.
Какая холодность души
К тому, что не любовь и мука!

О как я мог так низко пасть,
Чтобы забыть о милосердь!..
Какое равнодушье к смерти
И утомительная страсть!

IX

Любить не умею,
Любить не желаю.
Я глухну, немею
И зренье теряю.
И жизнью своею
Уже не играю.
Любить не умею —
И я умираю.

Х

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье.
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?

Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Задел — и ветку оголишь.

XI

В Пярну легкие снега.
Так свободно и счастливо!
Ни одна еще нога
Не ступала вдоль залива.

Быстрый лыжник пробежит
Синей вспышкой мгновенной.
А у моря снег лежит
Свежим берегом вселенной.

XII

Когда тайком колдует плоть,
Поэзия — служанка праха.
Не может стих перебороть
Тщеславья, зависти и страха.

Но чистой высоты ума
Достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

ХІІІ

Утраченное мне дороже,
Чем обретенное. Оно
Так безмятежно, так погоже,
Но прожитому не равно.
Хотел мне дать забвенье, боже,
И дал мне чувство рубежа
Преодоленного. Но все же
Томится и болит душа.

XIV

Вдруг март на берегу залива.
Стал постепенно таять снег.
И то, что было несчастливо,
Приобрело иной разбег.

О этот месяц непогожий!
О эти сумрачные дни!
Я в ожидании... О боже,
Спаси меня и сохрани...

XV

Расположенье на листе
Печальной строчки стихотворной.
И слезы на твоём лице,
Как на иконе чудотворной.
И не умею передать
То, что со мною происходит:
Вдруг горный свет в меня нисходит,
Вдруг покидает благодать.

XVI

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт —
Музыка — лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

Для каждого человека приходит срок возвратиться к началу.

Для меня пришел этот срок.

Эти несколько стихотворений написаны очень давно. Первое — когда мне было семнадцать лет. Последнее — когда было двадцать пять.

Критики писали, что я пришел в литературу «готовым».

Теперь, когда я обрел читателей, им, может быть, интересно будет знать — как я «готовился», как приуговлялся.

Порой мне кажется, что вкусы мои не очень сильно изменились.

Не мне судить.

А в т о р

ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.
Им не вешать, им не плакать — сколотили наскоро.
Сшибли кружки с горьким пивом горожане, школяры.
Толки шли в трактире «Перстень короля Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,
Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,
Городские стражи строже потрясали дровками,
Чаще чокались, желая мяса и вина.

Облака и башни были выпуклы и грубы.
Будет чем повеселиться палачу и виселице!
Геральдические львы над воротами дули в трубы.
«Три часа осталось жить — экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен: «И в аду не только черти!
На земле пожилы — что же! — попадем на небеса!
Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти,
Если — экая бессмыслица! — осталось три часа!»

Плотники о плаху притупили топоры.
На ярморочной площади крикнули глашатаи.
Потянулись солдаты, горожане, школяры,
Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, — чтоб не устыдиться,
Чтобы не испачкаться —

в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый — и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

Он был смел или беспечен. Поглядел лишь на небо.
И не слышал, что монах ему твердил об ерунде.
«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога олени,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерных зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
Из глины и куги болотной.
...И, звезд питаюсь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.

Как дым, кидели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.

Я подошел к огню костра.
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.

Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

1938

ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.
И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
берега
били.

А шкуры одежд обвисали.
В налушнах
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водопою.

Так отступают эпохи.
Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы... И кто-то
Уже умирал
на топях проклятых.

И вдруг закричал
последний мамонт,
Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

Так звал паровоз в ледниковой ночи,
Под топот колес,
неуемно,
грозно...
Мы спали тогда на вокзале тифозном
И там же кончались
при свете свечи.

1939

К ВЕЧЕРУ

К вечеру лошади на ходулях
Шляются. Сосны дымят медью.
В травах лиловых кузнечик колдует.
И мир поворачивается медленно,
Как деревянное колесо.
Перемежаются длинные спицы.
Вдруг прилетают тяжелые птицы
И улетают за горизонт.

ПЕРЕД БОЕМ

В тот тесный час перед сраженьем
Простуженные голоса
Угрюмым сходством выраженья
Страшны, как мертвые глаза.

И время не переизменишь.
И утешение одно:
Что ты узнаешь и заплачешь
И что тебе не все равно.

1944

МУЗА

Тарахтят паровозы на потных колесах,
Под поршнями пары затискав.
В деревянном вагоне простоволосая
Муза входит в сны пехотинцев.

И когда посинеет и падает замертво
День за стрелки в пустые карьеры,
Эшелоны выстукивают гекзаметры
И в шинели укутываются Гомеры.

1944

РУБЕЖ

Свет фар упирается в ливень.
И куст приседает, испуган.
И белый, отточенный бивень
Таранит дорогу за Бугом.

Рубеж был почти неприметен.
Он был только словом и вздрогом.
Все те же висячие плети
Дождя. И все та же дорога.

Все та же дорога. Дощатый
Мосток через речку. Не больше.
И едут, и едут солдаты
Куда-то по Польше, по Польше.

1944

КАТЕРИНА

1

Баян спасает от тоски,
Но не спасает от печали,
Когда поет, как казаки
Дружка убитого встречали.

Есть где-то в мире Бах и власть
Высокой музыки над сором.
Органа ледяная страсть
Колючим восстает собором.

Той музыке не до любви!
Она светла и постоянна!
О руки бедные твои,
О скомороший визг баяна!

Кривляется горбатый мех,
Дробится в зеркальце лучина.
И только твой счастливый смех
Я вдруг услышал, Катерина.

2

В стихах господствует закономерность,
Как в подвижном строении светил,
Как будто с мерным замыслом Гомера
Господь свое создание сличил.

И облака российского ненастья
Теряют вид нестираных рубах,
И горький ветер зла и разногласья
Приобретает старость на губах.

И бытия растерзанная глина
За столько лет, наверное, впервой
В твоём саду, родная Катерина,
Неосторожной поросла травой...

1944

* * *

Мы зябли, но не прозябали,
Когда, съедая дни и сны,
Вокзалы лязгали зубами
В потемках, как цепные псы.

Холодный шорох снегопада.
И привокзальные костры.
А в отдаленье канонада
Катает гулкие шары.

* * *

Берлин в просветах стен без стекол
Опять преследует меня
Оскалом сползшего на цоколь,
Как труп, зеленого коня.

Продуты смертным сквозняком
Кривые пальцы мертвых сучьев.
Над чем смеешься, страшный конь,
По уши тучи нахлобучив!..

ЮЛИЙ КЛОМПУС

Повесть

Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Лермонтов

Часть I

СОБИРАТЕЛЬ САМОВАРОВ

Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены. И сойду.

Пастернак

Мой друг-приятель Юлий Кломпус
Когда-то был наш первый компас,
Наш провозвестник и пророк
И наш портовый кабачок.
К тому же среди антикваров
Как собиратель самоваров
Был славен. Щелкопер Стожаров
(Всего скорее псевдоним)
За то подтрунивал над ним.

Носил он гордо имя цезарево.
А потому так наречен,

Что был на свет посредством кесарева
Сечения произведен.
Он не казался Аполлоном,
Был хлипконог, сутуловат,
В очках и с лысинкою ранней.
Но в гаме дружеских собраний
Держался, как аристократ.
(Дворяне Кломпусы из Дании
Лет двести жили в захудании.)

Оставшись рано без родителей,
Он был лишен руководителей
По шумным стогнам бытия.
(Мы были для него — семья.)
Он с непосредственностью детскою
Спустил все в доме. Но коллекцию
Старинных самоваров, что
Его отец копил со тщанием,
Он (согласуясь с завещанием)
Не променял бы ни за что.

На полках в комнате владельца
Стояло их десятка три,
Серебряных, как лейб-гвардейцы,
И медных, как богатыри.

Прочту вам небольшую лекцию
Про эту ценную коллекцию.

В собрание Кломпуса-отца
Два превосходных образца
Посудин для готовки сбитня.
Французский самовар «дофин».

Голландский «конус». И один
Прекрасный представитель «клерков».
Сосуд из «кёльнских недомерков»
На две-три чашки. «Пироскаф».
И десять тульских молодцов.
Средь них — величиной со шкаф
Красавец медный, весь в медалях,
Любимец наших праотцов,
Отрада сердца, бог трактира,
Душа студенческого пира.

Еще английский — в форме глобуса.
Американский в стиле «инка».
И африканский «банго-бинго»,
Особенная гордость Кломпуса.

Как разнородны! Как богаты!
Увы, они лишь экспонаты.
Ведь современники мои
Отучены гонять чай
Из самоваров. Скромный чайник
Их собеседник и печальник.
А гостю, высоко ценимый,
Подносят кофе растворимый.

...В полуподвале возле Пушкинской
(Владельцу — двадцать пять годов),
Как на вокзале и в закускойной,
Бывали люди всех родов.
Любым актрисе и актеру
Был дом открыт в любую пору.
Конферансье Василий Брамс
Травил в передней анекдоты.

Стожаров, постаревший барс,
На кухне жарил антрекоты.
Прихрамывая, в коридор
Вползал с трудом историк танца
И сразу ввязывался в спор
О смысле раннего христианства.
Вбегали Мюр и Мерилиз,
Соратники в драматургии.
А также многие другие.

Здесь царствовала Инга Ш.,
Звезда эстрады и душа
Застолья. За талант и тонкость
Ее любил в ту пору Кломпус.
Точней шахматной фигурки,
Она крапленые окурки
Разбрасывала на полу.
При ней потели драматурги,
Томясь, как турки на колу.

Был в той ватаге свой кумир —
Поэт Игнатий Твердохлебов.
Взахлеб твердила наша братия
Стихи сурового Игнатия.
(Я до сегодня их люблю.)
Он был подобен кораблю,
Затертому глухими льдами.
Он плыл, расталкивая льды,
Которые вокруг смыкались.
Мечтал, арктический скиталец,
Добраться до большой воды.
Все трепетали перед ним.
А между тем он был раним.

Блистательное острословие
Служило для него броней.
И он старался быть суровее
Перед друзьями и собой.
С годами не желал меняться
И закоснел в добре. Признаться,
Оставшись у своих межей.
А мы, пожалуй, все хужей.

Как проходили вечера?
Там не было заядлых пьяниц:
На всю команду «поллитранец»
Да две бутылки «сухача»,
Почти без всякого харча.
(Один Стожаров, куш сграбастав,
Порой закладывал за галстук.)

И вот вслава великий ор
В полуподвальном помещенье.
И тот, кто был не так остер,
Всеобщей делался мишенью
И предавался поношенью.
Внезапно зачинался спор
О книге или о спектакле.
Потом кричали: «Перебор!»
И дело подходило к пенью.

Что пели мы в ту пору, бывшие
Фронтовики, не позабывшие
Свой фронтовой репертуар?
Мы пели из солдатской лирики
И величанье лейб-гусар —
Что требует особой мимики,

«Тирлим-бом-бом», потом — «по маленькой»,
Тогда опустошались шкалики;
Мы пели из блатных баллад
(Где про шапчонку и халат),
И завершали тем, домашним,
Что было в собственной компании
Полушутя сочинено.
Тогда мы много пели. Но,
Былым защитникам державы,
Нам не хватало Окуджавы.

О молодость послевоенная!
Ты так тогда была бедна.
О эта чара сокровенная
Сухого, терпкого вина!
О эти вольные застолия!
(Они почти уже история.)

Нам смолоду нужна среда,
Серьезность и белиберда
В неразберихе поздних бдений,
Где через много лет поэт
Находит для себя сюжет
Или предмет для размышлений...

Когда веселье шло на спад,
Вставал с бокалом Юлий Кломпус,
Наш тамада и меценат.
И объявлялся новый опус,
Что приготовил наш собрат;
Или на ринг рвались союзники
По жанру Мюр и Мерилиз;
А иногда каскады музыки,
Как влага свежая, лились.

Я помню дивную певицу.
Бывало, на ее губах
Смягчался сам суровый Бах
И Шуберт воспевал денницу.
Звучал Чайковского романс.
(Казалось, это все про нас.)

Однажды, в предрассветный час,
Я провожал домой певицу.
В напевах с ног до головы
Брели мы по Москве Москвы.
И сонный Патриарший пруд
Был очевидцем тех минут...
Благодаренье очевидцу!

(Откуда вдруг она взялась,
Поэма эта? Полилась
Внезапно, шумно и упрямо,
С напором, как вода из крана.)

Часть II

СЮЖЕТ

Поздно ночью из похода
Возвратился воевода.

Пушкин

Сказать по правде, Инга Ш.
Была стремительная женщина.
И потому она божественно
Откалывала антраша.
После концерта, где успех
(Ей показалось) был неполным,

Она себе сказала: «Эх!»
И укатила к невским волнам.

А Кломпус без нее и дня
Не мог прожить. И, у меня
Заняв денюжат, оформил отпуск.
И в мыле, с розами, в пылу
Махнул на «Красную стрелу».
Но не предвидел Юлий Кломпус,
Что это был опасный шаг,
Что так же, как в известной повести,
Случайно оказавшись в поезде,
Войдет, купе окинет взглядом...
(«Одернуть зонт,— как Пастернак
Сказал,— и оказаться рядом».)

Небесный гром! Она была
Красавица. И так мила,
Что описать ее не смею.
(И я был очарован ею
Когда-то. Давние дела!)

Красавица была женой
Профессора Икс. Игрек. Зетова
(Давно мы знаем из газет его).
Он был учен, и отрешен,
И напрочь юмора лишен,
И, видно, в результате этого
Предполагал, что он «лицо»
И у него в порядке всё.

Знакомство. Общие знакомые.
— А для кого же ваш букет?
— Для вас! — стремительный ответ.

— Запасливость? Не потому ли
Он чуть завял и запылен?
— Для вас! — вскричал влюбленный Юлий
И вдруг увидел, что влюблен.

Ох! Тут он был великий мастер
И распускал павлиний хвост.
Он голубые изумруды
Поэзии — метал их груды
И воспарял до самых звезд.
Хоть речь его была бессвязна,
Но в ней был ток и был порыв;
Каскады афоризмов, рифм
Он расточал разнообразно
И, красноречье утомив,
Вдруг опускался на колено
И задыхался вдохновенно:
— Вы не моя! Но я счастлив!..

Конечно, Кломпус в этом — ас
(Таких и нет уже сейчас),
Но, на колено становясь,
Был Юлий искрен до предела.
(А искренность решает дело.)

Как свечка от жары истаяв,
Она не смела молвить «нет».
(Простит ли мне редактор Паев
Столь легкомысленный сюжет!)
Уже разнузданная страсть
Над ней приобретала власть.
Но, впрочем, это было после.

И там-то весь сюжет. А это
Покуда и не полсюжета,
Когда они плывут по Невскому
Сквозь человеческий поток
И наш герой рукою дерзкою
Поддерживает локоток.
Уже забыта Инга Ш.
И гордо шествует повеса
С улыбкой страстного черкеса
Или (для рифмы) ингуша.

Здесь я описывать не стану,
Как он гулял с своей красавицей
По Ленинграду в эти дни
(Отчасти, может быть, из зависти),
И были счастливы они.
Зато я описать могу,
Как в чинном, вежливом кругу
Поэтов ленинградской школы
Герой с красавицей Алиной
Провел однажды вечер длинный,
Где рассыпал свои глаголы
И жег бенгальские огни
Своей столичной болтовни.
Был выслушан без возражений.
Но ветеран московских бдений,
Носитель новомодных мнений,
Как говорится, «не прошел»
И разобиженный ушел.
— Увы, — сказал он, — дорогая,
У нас поэзия другая.

Поэты с берегов Невы!
В вас больше собранности точной.

А мы пестрей, а мы «восточней»
И беспорядочней, чем вы.
Да! Ваши звучные труды
Стройны, как строгие сады
И царскосельские аллеи.
Но мы, пожалуй, веселее...

В Москве Стожаров встретил Кломпуса
Коротким замечаньем: «Влопался!»

А он все несся по прямой,
Влюбленный, нежный, неземной...

Представлен Зетову женой,
Он приглашался к ним на ужин.
Беседовал с ученым мужем,
Свои идеи развивая,
Тайком Алине ручку жал.
Его ученый провожал
И говорил жене, зевая:
— Да, этот Кломпус интересен.
Но все же слишком легковесен.
И много у него досугу...

Однажды в Тулу иль в Калугу
Профессор отбыл на симпозиум.
А Юлий вечерами поздними
Курировал его супругу.
Но тут, на сутки или двое
Решивши сократить вояж,
Вернулся в ночь профессор наш.

Затрепетали эти двое
(Наверно, рыльца их в пушку!),
Но Кломпус голосом героя:
— Не беспокойся! — ей сказал.
И сам в одежде минимальной
Он вышел на балкон из спальни
И пер по первому снежку
По городу на ветерку.
А как спустился он с балкона,
Не знаем мы определенно.
Он был герой. И дамы честь
Мог даже жизни предпочесть.

Итак, он полночью морозной
Спешил без шапки, без пальто.
Читатель спросит: ну и что?
Как — «что»? Схватил озноб гриппозный.
Потом, как ядовитый гриб,
В нем начал развиваться грипп
И вирус множился серьезный.
Антибиотик не помог.
Серьезно Юлий занемог.
(Я в медицине не знаток,
Чтоб описать болезнь детальней.)
Ему грозил исход летальный.

Читатель мой! Не будь жесток.
И легковесным не считай
Сюжет, которого итог
На гробовой подводят крышке.
И не суди, судить привыкши,
А дальше повесть почитай.

Часть III

УХОД

Ну что ж! Попробую.

Ахматова

Снега, снега! Зима в разгаре.
Светло на Пушкинском бульваре.
Засыпанные деревья.
Прекрасна в эти дни Москва.
В ней все — уют и все — негромкость...

Но умирает Юлий Кломпус.
Нелепый случай покарал
Его за малые проступки.
И вот уже вторые сутки
Сам знал наш друг, что умирал.

Прозрачнее, чем отрок Нестерова,
Среди белья крахмально-выстиранного
Лежал он, отрешась от женственного,
В печальном постиженье истинного.
И с полным самообладаньем
Готовился к скитаньям дальним.

Над ним бильярдными шарами
Уж откивали доктора.
И завершиться нашей драме
Почти уже пришла пора.

На цыпочках его друзья
Дежурят в комнате соседней.
И курят в кухне и в передней.
И ждут, дыханье затая.

Алина, гибели виновница,
Приносит хворому компоты.
А Инга, первая храмовница,
Их принимает: где там счеты!

Но Юлий в свой уход печальный
Решил внести момент театральный,
И он пожаловал друзей
Аудиенцией прощальной
И самоварною элитой.
(Лишь «банго-бинго» знаменитый —
В этнографический музей.)
Друзей он в спальню призывал
И самовары раздавал.

Конечно, первым среди нас
Вошел Игнатий. Вышел.

— Да-с! —

Он тихо произнес с тоской,
Добавив с горечью: — Какой
Светильник разума угас!..

Собратья Мюр и Мерилиз,
Которых тоже вызвал Юлий,
Из спальни вылетели пулей
И из квартиры подались,
Разинув рты. И пару сбитенников
Они в руках держали вытянутых.

Все выходили от него
Смутясь, как из исповедальни.
И все не то чтобы печальны
Казались, но потрясены.

А самовары, что из спальни
Ташили в этом квипрокво,
Фуфырились, ненатуральны,
Как новоселье в дни чумы.

Растерянно стояли мы.
Растерянная вышла Инга
С роскошным самоваром «инка».
— Вот самовар... Он подарил...
Но, боже, что он говорил!..

О том, что им сказал больной,
Друзья молчать предпочитали.
Стожаров лишь полухмельной
Мне достоверные детали
Поведал. И конечно, Инга
(На пять минут была заминка)
Сболтнула все начистоту.

Да я и сам, к больному призван,
Оттуда выскочил в поту
С огромным, трехведерным, медным,
Что лишь подчеркивал победным
Сияньем жизни красоту.

Да! Я недолго пробыл там
И все, что я услышал сам
(Как говорится, не при дамах)
И что сказали мне они,
Изобразил в иные дни
Я в трех загробных эпиграммах.

На Ингу:

Суперменша. Дрянь.
Ломака ты, а не артистка.
Знай, что твое искусство низко,
Как, впрочем, и твоя мораль.
В твоём ломанье скверный вкус.
Ты официантка в храме муз.
Бери-ка этот самовар. Его
Храни на память.

На Стожарова:

Обжора, пьяница, гуляка!
Кто ты такой? Пустой писака,
Что сочиняет на заказ
Нравоучительный рассказ.
Зачем живешь ты, раб почета?
С тобой и знаться неохота.
Но ладно, толстая свинья,
Вон самовар твой.

На меня:

Здоров, притворщик! Оптимист!
Ты шут, и плоский шут, не боле.
Ты чистоплотен поневоле,
На самом деле ты нечист,
Хотя прекрасно ты речист...

Прервусь. По этой эпиграмме
Вы видите, что наш больной
Необъективен, хоть одной
Ногой стоит в могильной яме.

Так распрощался он с друзьями.

Не благостное всепрощенье,
А поношение, и хула,
И против смерти возмущенье,
Приятье истины от зла.
А может быть, в его сужденье
Таилось самоосужденье.
Ведь всем нам Кломпус потакал,
Покуда правды не взалкал.

Возможно, что судьбы нелепость
Ему внушила эту злость,
Когда последней чаши крепость
Ему отведать довелось.

Нельзя живущих оскорблять
Презреньем к их существованью.
Ты правду вынь мне да положи,
Но то, что слишком,— это ложь.

...Тогда, подобно сумасшедшим,
Держа в руках по самовару,
Брели по зимнему бульвару
Стожаров, Инга Ш. и я.
Потрясены произошедшим,
Дошедши до ее жилья
(В задворках тассовского корпуса),
При самоварах на весу,
Сказал:

«Как будем жить без Кломпуса!» —
Стожаров и пустил слезу.

Мы постояли. Ветер снежный
Пел свой задумчивый хорал.

А где-то там, во тьме безбрежной,
Наш славный Юлий умирал...

Но он не умер.

эпилог

Вот этой повести итог.

Поднявшись по выздоровленьи,
Он видеть нас не пожелал...
Окончились ночные бденья.
Я это скоро осознал.

Удачно выдержавши конкурс,
Стал где-то кем-то Юлий Кломпус.
Его работы, говорят,
Профессор Зетов всюду хвалит,
А как он, бывший наш собрат?
Не знаю, что его печалит,
Что радует. Однажды я
Послал ему свое творенье
О нем. Он выразил презренье
И резюмировал: «Мазня!
И не касается меня».

И все ж, хотя мы разошлись
Так непонятно, но могу ли я
Совсем изъять из жизни Юлия
И эти дни, что пролились!
И музыку, и песни эти!
И этот смех, и этот жар!..

А трехведерный самовар
Пылится на моем буфете.

Послевоенная эпоха,
Быть может, нам была трудней,
Чем раскаленная опока
Смертельных и победных дней...

После обязанностей права
Хотели мы. Но — мысль здраво —
Обязанности выше прав.

Скажите, разве я не прав?

Сентябрь — октябрь 1979 г.

Пяру

СОДЕРЖАНИЕ

«Повтори, воссоздай, возверни...»	3
«Мы не меняемся совсем...»	4
«Дай мне нынче выйти в полночь...»	5
Средь шумного бала	6
«Обратно крути киноленту...»	8
Памяти юноши	10
Ревность	12
Звезда	14
Часовой	15
Свободный стих	16
«Был ли счастлив я в любви...»	17
Дневник	18
Реанимация	19
«Усложняюсь, усложняюсь...»	21
«Может, за год два-три раза...»	22
Другу-стихотворцу	23
Учитель и ученик. Идиллия	25
Бессонница	31
«Деревья должны...»	32
Стансы	33
Хлеб	35
«Тебе свою судьбу вручил навек...»	36
«Игра в слова — опасная забава...»	37
«Пусть нас увидят без возни...»	38
Афанасий Фет	39
Два стихотворения	
I. «Он заплатил за нелюбовь Наталии...»	40
II. «Что остается? Поздний Гютчев?...»	41
Мастер	42
Погост	44

Три стихотворения	
I. «Спи, Мария, спи...»	46
II. «Во сне мне слышался голос...»	46
III. «И вот уже больше недели...»	47
Прощание. Из поэмы «Последние каникулы»	48
«Скрепляют болезни и смерти...»	51
Рихтер	52
Актрисе	53
«Я сделал вновь поэзию игрой...»	54
Свободный стих	55
Черновики	56
Вторая легкая сатира	57
В духе Галчинского	58
Начало поэмы	60
«Зачем за жалкие слова...»	61
Залив	62
Приморский соловей	64
Эстимаа	66
«Я люблю ощущение ушедших годов...»	67
«И снова все светло и бrenно...»	68
«О бедная моя!..»	69
«Я смерть свою забуду...»	70
«Надо идти все дальше...»	71
Мороз	72
Завсегдатай	73
Сандрильона	75
Можно и так...	76
«Мое единственное достояние...»	77
«Сперва сирень, потом жасмин...»	78
«Тебя мне память возвратила...»	79
«Пахло соломой в сарае...»	80
Воспоминания	81
«Эта плоская равнина...»	82
«Чайка летит над своим отраженьем...»	83
«У меня пред тобою вина...»	84
«Тот же вялый балтийский рассвет...»	85
«Свежо кричат вороны...»	86
Картина с парусами	87
«Какой-то ветер нынче дул...»	88
«Что за радость! Звуки шторма...»	89
«Забудь меня и дни...»	90

Пярнуские элегии	
I. «Когда-нибудь и мы расскажем...»	91
II. «Красота пустынной рощи...»	92
III. «Круг любви распался вдруг...»	93
IV. «И жалко всех и вся. И жалко...»	94
V. «Здесь великие сны не снятся...»	95
VI. «Деревья прянули от моря...»	96
VII. «Когда замрут на зиму...»	97
VIII. «Как эти дали хороши!...»	98
IX. «Любить не умею...»	99
X. «Пройти вдоль нашего квартала...»	100
XI. «В Пярну легкие снега...»	101
XII. «Когда тайком колдует плоть...»	102
XIII. «Утраченное мне дороже...»	103
XIV. «Вдруг март на берегу залива...»	104
XV. «Расположенья на листе...»	105
XVI. «Чет или нечет?..»	106
Плотники...	108
Пастух в Чувашии	110
Охота на мамонта	112
К вечеру	114
Перед боем	115
Муза	116
Рубеж	117
Катерина	118
«Мы зябли, но не прозябали...»	120
«Берлин в просветах стен без стекол...»	121
Юлий Кломпус. <i>Повесть</i>	
Часть I. Собиратель самоваров	122
Часть II. Сюжет	128
Часть III. Уход	134
Эпилог	139

Давид Самойлович Самойлов
ЗАЛИВ

М., «Советский писатель», 1981, 144 стр.
План выпуска 1981 г. № 200

Редактор *В. С. Фозельсон*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *Е. П. Румянцева*

Корректор *Т. Н. Гуляева*

ИБ № 2517

Сдано в набор 09.04.81. Подписано к печати 22.06.81.
А 02888. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1.
Академическая гарнитура. Офсетная печать. Усл.
печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,49. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 283. Цена 35 коп. Издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Тульская типография Союзполиграфпрома при Го-
сударственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Тула,
проспект Ленина, 109

35к.

S. Camonash

